

Исследовательская статья

УДК 323.285:28(58)

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-4-32-62-78>

«Священное насилие» в терроризме на религиозной почве: пример Центральной Азии

Денис Николаевич Гергилев¹, Татьяна Владимировна Излученко²

^{1,2} Красноярский научный центр СО РАН; Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

¹ turilak@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4913-4803>

² izluchenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>

Аннотация. Религиозный терроризм, а точнее, терроризм на религиозной почве, в настоящее время является одной из угроз во многих региональных контекстах. Соответственно, изучение связанной с ним проблематики носит не только академический характер, но призвано помочь в преодолении этой угрозы. В нашей статье терроризм на религиозной почве рассматривается в призме тезиса о «священном насилии». В качестве примера мы проанализировали отдельные аспекты проявлений исламского терроризма

в рамках деятельности запрещённых организаций, которые активизировались с конца XX в. в Центральной Азии. Итак, цель работы — установить специфику интерпретации «священного насилия» представителями исламских террористических организаций (на примере Центральной Азии). Для достижения этой цели необходимо было решить следующие задачи: 1) систематизировать имеющиеся представления о тех аспектах культуры, на которых паразитируют террористические организации; 2) выделить основания обращения адептов этих организаций к концепту «священного насилия»; 3) на примере региона Центральной Азии установить специфику его интерпретации в контексте исламского терроризма; 4) сопоставить нейтральный контекст интерпретации понятия «священное насилие» со специфическими интерпретациями в исламском религиозном терроризме. Поскольку в статье рассматриваются идеологическое обоснование исламизма и использование религии для дестабилизации политической ситуации, легитимации насилия в отношении политических оппонентов, материалами исследования послужили источники двух типов: непосредственно высказывания лидеров исследуемых движений, представляющие собой псевдобогословские построения, и аналитические материалы, представляющие собой исследования подобных высказываний. Методологическую базу исследования составили теория социального конструктивизма и подходы сравнительного религиоведения, использован герменевтический метод, а также контент-анализ. С их помощью была уточнена специфика последовательных политических, институциональных и региональных изменений в Центральной Азии, которые способствовали распространению радикальных

© Гергилев Д. Н., Излученко Т. В., 2024

исламистских идеологий и их временной популярности у некоторой части населения. В результате исследования нами выявлены региональные особенности интерпретации «священного насилия», которые могут способствовать его использованию в качестве интегратора групповой солидарности лидерами террористических религиозных организаций. В работе показано, что внешнее влияние со стороны транснациональных террористических организаций, внедряясь во внутривнутриполитический конфликт, разжигаемый либо непосредственно спровоцированный этнорелигиозными террористами, использует для привлечения последователей идеологическую конструкцию «священного насилия», серьёзно искажающую традиционные представления ислама. При этом именно «адаптированная» идеологами террористов интерпретация священного может быть использована как маркер для разграничения террористических организаций и «доброкачественных» религиозных объединений. Полученные результаты могут способствовать дальнейшему изучению религиозного терроризма как научной проблемы, а также быть использованы компетентными органами для оптимизации разрабатываемых антитеррористических мер.

Ключевые слова: Центральная Азия, терроризм на религиозной почве, исламистские террористические организации, насилие, священное, геополитическая ситуация, внутривнутриполитический конфликт, этнорелигиозный терроризм

Для цитирования: Герги́лев Д. Н., Излученко Т. В. «Священное насилие» в терроризме на религиозной почве: пример Центральной Азии // Концепт: философия, религия, культура. — 2024. — Т. 8, № 4. — С. 62–78. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-4-32-62-78>

Research article

Sacred Violence in Religious Terrorism: the Case of Central Asia

Denis N. Gergilev¹, Tatyana V. Izluchenko²

^{1,2} Krasnoyarsk Science Centre of the Siberian Branch of Russian Academy of Science; Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

¹ turilak@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4913-4803>

² izluchenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>

Abstract. Religious terrorism currently poses a major threat in many regions. Studying the problems associated with religious terrorism not only adds to theoretical development of the issue, but also addresses how to combat this threat. This article approaches religious terrorism through the concept of *sacred violence* as exemplified by the actions of proscribed terrorist organizations in the Central Asia, which have been on the rise since the late 20th century. The purpose of the study is to define the specific interpretation of sacred violence by terrorist groups using the example of the Central Asian region. To achieve this goal the authors aim 1) to systematize existing ideas about those aspects of culture on which terrorist organizations parasitize; 2) to highlight the reasons for the adherents of these organizations to turn to the concept of *sacred violence*; 3) using the example of the Central Asian region to establish the specifics of its interpretation in the context of Islamic terrorism; 4) to compare the neutral context of the interpretation of the concept of *sacred violence* with specific interpretations in Islamic religious terrorism. Since the article examines the ideological justification of Islamism and the use of religion to destabilize the political situation and legitimize violence against political opponents, the research materials were drawn from two types of sources: direct statements by the leaders of the movements under study, which are pseudo-theological constructs, and analyti-

cal materials, which are studies of such statements. The methodological basis of the study was the theory of social constructivism and approaches of comparative religious studies; the hermeneutic method and content analysis were used. The methods and approaches used helped clarify the specifics of successive political, institutional and regional changes in Central Asia that contributed to the spread of radical Islamist ideologies and their temporary popularity among some parts of the population. As a result, the study identified regional features of the interpretation of *sacred violence* that may contribute to its use as an integrator of group solidarity by the leaders of terrorist religious organizations. The paper shows that external influence from transnational terrorist organizations, infiltrating into the domestic political conflict, incited or directly provoked by ethno-religious terrorists, uses the ideological construction of *sacred violence* to attract followers, which seriously distorts traditional ideas of Islam. At the same time, it is the specific interpretation of the *sacred* by terrorist ideologists that can be used as a marker for distinguishing between terrorist organizations and other religious associations. The results obtained can contribute to further study of religious terrorism as a scientific problem and can also be used by competent authorities to optimize and develop appropriate anti-terrorist measures.

Keywords: Central Asia, religious terrorism, Islamist terrorist organizations, violence, sacred, geopolitical situation, internal political conflict, ethno-religious terrorism

For citation: Gergilev, D. N., Izluhenko, T. V. (2024) 'Sacred Violence in Religious Terrorism: the Case of Central Asia', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 8(4), pp. 62–78. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-4-32-62-78>

Введение

В нашей работе мы будем понимать под *религиозным терроризмом* прежде всего **политический конструкт**, который формируется в публичной сфере в течение определённого исторического периода и обусловлен рядом факторов, среди которых не последнее место занимают социокультурные и психологические. Такой подход, по нашему мнению, подчёркивает важность внимания к историко-культурному контексту, в котором возникает и развивается феномен религиозного терроризма, а также определяет вектор нашего прицельного внимания к определённым аспектам данного феномена.

Среди исследователей исламизма и религиозного терроризма выделим такие имена, как Ш.Р. Аляутдинов, С. Аббас и С. Сайед, Р. Хайдаров [Аляутдинов, 2003; Abbas, Syed, 2021; Хайдаров, 2022], а также П.С. Седерберг, Д. Рапопорт¹, Дж. Визи,

М. Веркюйтен и К. Жирков [Sederberg, 2003; Zhirkov, Verkuyten, Weesie, 2014]. В числе тех, кто заложил основу изучения проблем исламского терроризма в призме его отношения к исламскому праву следует выделить Л.Р. Сюкийянена [Сюкийянен, 2021]. Такое явление, как джихадизм, анализируют работы Ж. Рогозинского [Рогозинский, 2021], Д.С. Рязанова [Рязнов, 2019] и др. Развёрнутые исследования адаптации исламского богословия к нуждам террористических организаций находим в работах К. Гайбуллоева, Т. Сандлера и др. Подробный систематический обзор количественных факторов, связанных с террористической активностью, представлен в недавней публикации И. Сумерникова, А. Уфимцева, М. Слава и А. Коротаева [Количественный анализ факторов..., 2024].

Согласно современным научным представлениям, региональный религиозный терроризм представляет собой крайнюю волну глобального терроризма², организационно оформленную преимущественно

¹ Rapoport D.C. Terrorism // Encyclopedia of Violence, Peace, & Conflict. — Elsevier, 2022. — P. 218–233. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-820195-4.00199-0>

² IBID.

в исламистских террористических организациях. Эти организации несут наибольшую угрозу общественной безопасности, поскольку используют современные технологии в стремлении адаптировать мусульманское богословие к собственным пропагандистским целям [Gaibulloev, Sandler, 2019: 276, 279]. Тем самым посредством заявлений о религиозном возрождении обостряются гражданские противоречия, связанные с внутривнутриполитической обстановкой и межнациональными конфликтами, результатом чего становится дестабилизация региона, вызывающая как негативные экономические последствия для населения, так и социальную напряжённость, вызванную реакцией на целенаправленные попытки комплексной дестабилизации сложившегося образа жизни.

В качестве одной из своих целей террористические организации, такие как «Исламское государство»³, «Талибан»⁴ и др., считают доступ к управлению территорией и перекраиванию сложившегося политического положения. В качестве идеологического оружия нередко используются политические мифы, опирающиеся на трактовку сложных геополитических процессов в выгодном для создателей этих мифов свете. Например, для террористических организаций, действующих на территории Центральной Азии, характерна сознательная фальсификация истории: искажаются представления местного населения о роли СССР и России в становлении их государственности. Параллельно лидеры террористических религиозных организаций спекулируют положениями ислама как исторически доминирующей среди местного населения религии, навязывают свои представления о «чистоте веры», священной истории и реставрации исламского государства. Декларируемые ими идеи и методы не могут сосуществовать со светскими принципами действующих правительств. При этом современное светское государство, как известно, по своей сути не препятствует вероисповедным практикам, если они не носят

террористический, экстремистский или человеконенавистнический характер.

Как известно, с распадом СССР в конце XX в. на территории стран Центральной Азии усилилось распространение радикальных религиозно-политических идей. Фактически это означало, что исторически сложившаяся геополитическая напряжённость в регионе усугубила проблему исламизма — явления, имеющего двойственный характер. С одной стороны, исламизм призывает к возрождению ислама как объединяющей силы для этнически неоднородного населения. С другой — способствует росту культурного национализма, парадоксальным образом превращая некоторые группировки, следующие в направлении исламского религиозного терроризма в разновидность запрещённых этнорелигиозных объединений. Нынешние правительства, столкнувшиеся с этой проблемой, как и традиционные религиозные лидеры, поддерживающие политическую стабильность и религиозную сбалансированность в регионе, подвергаются со стороны идеологов подобных организаций необоснованным нападениям, что убедительно демонстрирует стремление террористов к власти земной, а не только и не сколько их желание следовать собственным «инновационным» представлениям о покорности власти небесной.

Подчеркнём: деятельность террористических религиозных организаций не только угрожает стабильности в регионе, но и способствует росту международной напряжённости. При том, что эти организации используют вероучение ислама, они существенно отличаются друг от друга как с точки зрения политических взглядов своих последователей, так и их мировоззрения, этнической принадлежности и т.д. В то же время, общей чертой религиозной идеологии, используемой лидерами этих организаций для вербовки своих сторонников, является тезис о необходимости «священного насилия», которое проявляется в отношении участников к требуемому сакральному акту «жертвоприношения».

³ Запрещенная в России террористическая организация.

⁴ Запрещенная в России террористическая организация.

Религия — идеология — политика

В научной и публицистической литературе нередко отмечается, что очевидная внешняя простота идеологических положений исламистов не полностью объясняет востребованность и устойчивость их идей среди населения, равно как и радикальную приверженность этим идеям самих участников таких организаций. По нашему мнению, причины этих явлений следует искать в самой сущности религиозного терроризма как социально-политического феномена. В нём интегрируются насилие и политические амбиции, которые оправдываются и обосновываются трансформированными религиозными нормами и отсылками к *священному* (истории, времени, пространству, героям и т.д.). Необходимость анализа парадокса объединения «священного» и «насилия» в одном религиозно, социально и политически заряженном концепте определила цель нашего исследования — попытку выявить специфику интерпретации и роль «священного насилия» в качестве специфического группового интегратора религиозных террористических организаций на примере региона Центральной Азии. Для достижения этой цели необходимо было установить особенности взаимосвязи исходных концептов в данном (явно искажающем их) контексте; а для этого, в свою очередь, установить особенности исламистских организаций на примере региона и «земные» (прежде всего, социально-экономические и социально-политические) основания их обращения к концепту «священного насилия», сравнив их подходы с концептуализацией данных терминов вне экстремистских и террористических контекстов.

В методологическом плане религиозный терроризм целесообразно рассматривать в рамках теории социального конструктивизма традиционной интерпретации. К настоящему времени в среде учёных и экспертов сложился консенсус, согласно которому представления о сущности, проявлениях и влиянии на социетальную безопасность

данного феномена формируются в результате динамичного взаимодействия государства, населения, экспертного сообщества и самих участников [Lindgren, 2005]. Даже поверхностное обращение к анализу политических изменений, происходивших в изучаемом регионе за последние десятилетия, позволяет утверждать, что институциональные перемены и региональные конфликты на территории Центральной Азии, можно рассматривать как одно из условий распространения религиозно-политических идеологий и функционирования террористических организаций.

Как уже отмечалось, в большинстве случаев религиозный терроризм *экспортируется* в Центральную Азию, где выступает инструментом реализации на евразийском пространстве геополитических и геокультурных проектов глобального масштаба. Согласимся с Р. Хайдаровым: в качестве одного из исходных политических условий, способствующих распространению религиозного терроризма в регионе, следует выделить деятельность некоторых государств, которые под видом защиты общечеловеческих ценностей, свободы совести и вероисповедания насаждают чуждые идеалы и поддерживают распространение деструктивных идеологий, — в частности, идеи радикального ислама [Хайдаров, 2022].

Усугубляет ситуацию создание террористических групп этнорелигиозной направленности, нередко также действующих в интересах транснациональных террористических организаций. Например, в 2017 г. в Сирии к военным действиям террористической организации «Комитет по освобождению Шама» («Хайат тахрир аш-Шам») присоединилась террористическая организация «Катибат аль-таухид валь Джихад»⁶, участники которой являются выходцами из Узбекистана и Кыргызстана.

Исследователи отмечают, что росту популярности исламистских террористических организаций способствует биполярный суннитско-шиитский мусульманский мир — а именно, идеологическое

⁵ Запрещенная в России террористическая организация.

⁶ Запрещенная в России террористическая организация.

противостояние радикальной суннитской (ваххабитско-салафитской) Саудовской Аравии и шиитского Ирана [Abbas, Syed, 2021]. Ненависть и вражда подпитываются пропагандистскими мероприятиями, подчёркивающими неэффективность мирных способов внутриполитической борьбы. Таким образом, внутриполитические конфликты в государствах Центральной Азии могут усиливаться за счёт экспорта антигуманных идей и методов.

Стоит ещё раз обратить внимание на положение, согласно которому распространение влияния террористических организаций связано с конкретным социально-историческим контекстом, в котором присутствует определённый (не выдуманный) социально-политический конфликт и определённая (в данном случае, увязанная с религиозным мировоззрением) мифология этого конфликта. Нестабильная обстановка обеспечивает эпизоды принятия и поддержки радикальных мер среди местного населения, импульсом которой становится «поддержка братьев по вере», зачастую не выходящая за рамки моральной или экономической помощи.

С социально-психологической точки зрения сочетание личной религиозности, посещения религиозных служб и убеждённости в приоритете ритуальной практики над практикой «добрых дел», равно как и в априорной праведности духовного лидера, формирует социальное пространство, в котором может успешно циркулировать оправдание терроризма. Причём в текущих условиях участники этого процесса нередко принимают судьбоносные для себя решения на основе непроверенной информации, полученной из социальных сетей [Martínez, Sánchez, Galindo, 2022] и не отвечающей принципам интерпретации положений ислама, заложенных традициями исторического богословия. Имеет также смысл принять во внимание тот факт, что упомянутые исторические модели таких интерпретаций оставляют мусульманину широкую свободу выбора конкретного духовного учителя, представляющего ту или иную школу того

или иного направления. Разумеется, здесь сильны традиции семьи, махалли, района и т.д. Однако выбор остаётся за самим человеком. Именно на этой особенности исламского учения паразитируют представители религиозного терроризма, предлагающие собственную трактовку понятия «священное насилие». Тем самым выбор террористами ислама можно объяснить не только его историческим присутствием на определённых территориях, но и самой его эмансипирующей природой. В этом случае следует учесть, что ислам легко интегрирует число своих последователей так называемых маргиналов — тех, кто по различным причинам оказался вне социально-политической системы: кризис идентичности, бедность и т.д. В этой связи стоит отметить, что с момента обретения независимости постсоветскими странами в Центральной Азии некоторое время по инерции продолжалась реализация советской антирелигиозной стратегии. Государственная политика в сочетании с коррупцией, кумовством, снижением уровня жизни и безработицей способствовала развитию подрывной деятельности исламистских организаций в таких странах Центральной Азии, как Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан и др.; что к 2003 г. привело, как полагает канадский исследователь М. Гардаз, к «превращению Ферганской долины» в один из главных «центров радикального ислама» [Gardaz, 2003].

Параллельно исследования показывают, что мусульмане склонны поддерживать террористические идеи в тех случаях, когда ощущают угрозу мусульманскому миру со стороны Запада; особенно если считают демократию только западной политической системой, которая не подходит для мусульманских государств [Zhirkov, Verkuuyten, Weesie, 2014]. Именно этот тезис обеспечивает влияние на региональные процессы стран Центральной Азии экспансионистских целей террористической организации «Талибан»⁷. Как известно, ею в 2021 г. был установлен Исламский эмират в Афганистане [Пластун, 2021]. Данное событие проблематизировало вопросы международного

⁷ Запрещенная в России террористическая организация.

сотрудничества и признания легитимности власти другими участниками геополитических процессов. Так, Министерством иностранных дел России и Министерством юстиции России были обозначены требования к политическим действиям организации (этнополитическая инклюзивность правительства, соблюдение прав и свобод человека), что, как мы полагаем, позволит в будущем осуществлять полноценный диалог между государствами.

**«Священное насилие»:
политические условия
и генезис интерпретаций**

Начнём с того, что радикальный исламизм и религиозный терроризм на территории государств Центральной Азии представляет собой вполне реальную угрозу. Насилие проявляется в организации взрывов, захвате заложников, наездах транспортными средствами и атаках смертников. Выбор этих средств воздействия обосновывается стремлением вызвать сильный психологический эффект у зрителей и убеждённость в неспособности действующего правительства обеспечить их безопасность. При этом исследователи отмечают, что с конца XX в. аспект с одиночных и адресных террористических актов («старый терроризм») смещается в сторону массовых убийств («новый терроризм»); а наряду с социально-экономическими (бедность, неудовлетворённость) и националистическими (угроза культурной идентичности, ассимиляция) трендами лидирующее положение занимает религиозный фундаментализм [Зеленков, 2021].

В условиях глобализации, пусть даже «лоскутной», когда распространение идей и технологий размывает исторически сложившиеся формы духовной и социокультурной организации, наблюдается парадоксальный рост религиозного фундаментализма, характеризующийся эксплуатацией «однозначно трактуемых норм», «предельно чётких» и «однозначных» ценностей и сильным сплочением участников

«на основе религиозной идентичности» [Norenzayan, 2013]. Анализируя причины усиления религиозного фундаментализма, исследователи отмечают, что, помимо поиска простых ответов на сложные вопросы, фундаментализм занят поиском «живой» религиозной и социальной идентичности. Помещая её в идеализированное прошлое, они таким образом находят возможность реализовать бессознательные фантазии нарциссического образа единства, целостности и равенства. При этом «не-свой», «другой», всегда позиционируется захватчиком, гонителем на символическую чистоту группы [Волобуев, 2019: 65].

Несмотря на различные факторы риска для исполнителей и дифференциацию идеологических установок, тактика террористических организаций обладает схожими чертами. Так, одиночные террористические атаки повышают угрозу последующих нападений поблизости (в литературе этот феномен обозначен как «близкий к повторению», *near-repeat*). Известно, что такой подход характерен, в частности, для действия террористической организации «Исламское государство»⁸: 37,7% атак совершается в пределах одной мили и одного дня друг от друга, а 70,8% атак — в пределах 10 миль и двух недель друг от друга [*Near-repeat terrorism ...*, 2024]. В качестве одного из «оправданий» подобных действия в глазах адептов подобных организаций, а также рядовых граждан, обывателей, как раз и выступает легитимация насилия путём переосмысления концепта «священное насилие».

В результате проведённого нами анализа получены данные о том, что «священное насилие» воспринимается исследователями, и самими участниками террористических организаций как сущностная характеристики религиозного терроризма, что наиболее ярко проявляется в деятельности исламистских террористических организаций в конце XX – начале XXI в. на территории Центральной Азии. При этом *насилие* трактуется ими как легитимное действие, совершение которого санкционировано

⁸ Запрещённая в России террористическая организация.

священным (Аллахом). *Священное* в свою очередь интерпретируется вне традиционных богословских рамок, но конструируется конкретным социальным актором, принимающим непосредственное участие в разработке богословски аргументированной идеологии. Принятая таким актором «ноша авторитета» снимает ответственность за негативные последствия принятого образа мыслей и действий с исполнителей и временно или посмертно противопоставляет их «погрязшему в грехах» профанному миру. В связи с этим насилие возводится в статус «священного насилия».

Давно замечено, что в результате деятельности средств массовой информации по освещению совершаемых террористических актов насилие стало ассоциироваться преимущественно с исламом. В то же время некоторые исследователи подчёркивают: в Коране разрешается религиозно мотивированное насилие против неверующих [Ellis, 2017], но только при строго обозначенных условиях (оборона, защита мусульман, нерелевантность иных альтернатив) и пределах допустимого (без убийства стариков, женщин, детей). С. Хаддад отмечает наиболее важным фактором, определяющим поддержку населением атак террористов-смертников, приверженность политическому исламу, а не просто привязанность к вероучению ислама [Haddad, 2004]. Анализ научной дискуссии о статусе культурного ислама [Dianina, Khalil, Glagolev, 2019] позволяет проследить, насколько неоднозначны трактовки политического ислама в современной науке и практике. В то же время, Л.Р. Сюкияйнен аргументированно показывает бессосновательность апелляции террористических организаций к исламскому халифату, т.к. ими не соблюдаются основополагающие принципы исламского права, а религиозные предписания подменяются политическими обязанностями [Сюкияйнен, 2021]: фактически исламистские террористические организации целенаправленно используют насилие, чтобы максимизировать политическую выгоду. Особенно это эффективно, как уже отмечалось, на фоне острых социокультурных проблем, — например таких, как относительная маргинализация правового положения женщин. Исламистами

пропагандируется тезис, согласно которому расширение прав и возможностей женщин развращает общество и мешает добродетельной системе управления [Meierrieks, Renner, 2023]. Подчёркнём, что защита таких социальных достижений, как доступ женщин к образованию, возможности их профессиональной самореализации, борьба с домашним насилием и связанные с этим проблемы стали предметом серьёзного обсуждения в постсоветских государствах Центральной Азии. Более того. Эти обсуждения получили действенную поддержку со стороны НКО и государственных структур.

Отметим: циркулирующие в современных исследованиях и документах определения терроризма подчёркивают системное насилие как специфическую черту, применяемую к неограниченному количеству лиц с целью повлиять на принятие решений действующей политической властью. Так, П. Седерберг характеризует терроризм как тактику, которой свойственно: а) применение насилия (или угрозы его применения), направленного на целевую аудиторию помимо непосредственных жертв и используемого слабой стороной конфликта, б) наличие организованной группы и в) политической цели. Следовательно, заключает исследователь, относится к терроризму можно как к врагу, которого необходимо победить в войне; преступлению, требующему полицейских мер противодействия и наказания, и г) заболеванию, имеющему социальные и психологические предпосылки [Sederberg, 2003].

Большинство исследований терроризма акцентируют внимание на: (а) политических и идеологических, (б) социальных и психологических вопросах, а также на (в) медицинском реагировании и управлении [Fifty years of..., 2022]. Отметим, что идеологическая составляющая при этом обычно анализируется достаточно поверхностно, без философско-богословского анализа и при игнорировании исторической трансформации деятельности террористических организаций. Одной из стратегий преодоления подобной поверхностности как раз и является выявление специфики использования приёма апелляции к «священному насилию».

Категория «священного насилия» в религиозном терроризме связана также с проблемой жертвенности. М. Юргенсмейер логику религиозного насилия сводит к символическому заявлению о стремлении изменить сложившееся положение и демонстрации политической силы. Обоснованием позиционируется «космическая война» добра со злом, реализуемая в виде политических конфликтов и не допускающая компромиссного разрешения. Применение насилия убеждает религиозных террористов в своём достоинстве и оправданности вооружённого сопротивления в рамках священной истории [Juergensmeyer, 2017: 238–250].

Обращаясь к религиозно-философским концепциям насилия, выделим точку зрения Ж. Батая, который подчёркивает роль насилия, направленного на самого себя. Подобная трансгрессия личности, растворение её в коллективе религиозной группы через разрушение гомогенной природы (индивидуальности, единичности) и переход к гетерогенности (взаимодействию с другими и осознанию инаковости в отношении повседневного мира, социальной консолидации) [Зыгмонт, 2018] пересоздаёт сакральность. Диспозитив террора движется ненавистью, целью которой является уничтожение противника во что бы то ни стало, и допускает совершение насилия везде. Подобный акт трактуется в качестве жертвоприношения; причём такое жертвоприношение в исламистских террористических организациях реализуется в акциях смертников, где жертва сакрализована и персонифицирована в лице исполнителя террористического акта [Рогозинский, 2021: 184].

Итак, деятели религиозного терроризма привлекают религию в качестве структурообразующего элемента, интегрирующего мифологизированные представления об идеальном государстве и/или обществе, героях, золотом времени и политические цели организации. Именно поэтому предпосылкой для религиозного терроризма является религиозный фундаментализм

как движение за возрождение/актуализацию первоначальной версии религии. Используются объективные (анклавы мигрантов, проблемы социальной и культурной идентичности, постсоветский мировоззренческий вакуум) и субъективные (религиозные убеждения, харизма лидеров, родственные, этнические, дружеские связи) факторы для стимулирования тактик привлечения населения в свои ряды [Красиков, 2010: 145]. Происходит целенаправленный процесс фальсификации истории межнациональных и межрелигиозных отношений, формируется «фейковая» историческая реальность для достижения реальных и декларируемых целей. Этому способствуют подмена социальных потребностей и религиозных обязанностей политическими интересами, а также отсутствие внутриорганизационного сопротивления и скептицизма, который, как известно, редко является «природной» психологической чертой и требует усилий государства по целенаправленному формированию в том числе за счёт просвещения и повышения уровня образования народных масс. Примат религиозной идентичности, антисекуляризм, абсолютная вера в идеологию и антинаучные утверждения приводят к крайнему мировоззренческому монизму, отказу от многообразности религиозной традиции и учёта её местной национальной специфики. Выбор террористическими организациями ислама обосновывается его сильно развитой морализаторской основой, способствующей формированию необходимых им моделей мышления и поведения.

Проведённый анализ свидетельствует о том, что исламистские террористические организации используют традиционную для Центральной Азии религию для легитимации своей власти, применения насилия, дестабилизации обстановки и организации управляемого хаоса, пытаясь утвердить в качестве политико-религиозных структур «монструозные гибриды» типа террористической организации «Исламское государство»⁹.

⁹ Запрещенная в России террористическая организация.

**«Священное» + «насилие»:
теоретическое сопоставление
нейтральных и радикальных
интерпретаций**

Наше исследование подтвердило, что в современной научной литературе религиозный терроризм чаще всего определяется именно как обоснованный социокультурными и психологическими условиями политический конструкт, который формируется в публичном пространстве в конкретный исторический период государством, экспертным сообществом, широкой общественностью и самими участниками. Он основывается на абсолютизированной религиозной вере, религиозно-политической идеологии и дестабилизирует сложившееся социально-политическое положение. Насилие преподносится не только средством достижения цели и единственным способом разрешения конфликтов, но и перформативным актом. В нём выражаются заявления террористических организаций в эмоционально окрашенном формате, транслируемые на широкую аудиторию, и возводятся в статус жертв исполнители. Его обусловленность религиозным фундаментализмом проявляется в возрождении «чистой религии» посредством: а) радикальных мер в отношении себя и окружающих; б) трансформации религиозных положений для обоснования политических целей и включения насилия в мировоззрение и культуру; в) фальсификации исторических фактов в своих интересах. Однако содержательное наполнение «священного насилия» как специфики религиозного терроризма остается без должного внимания.

В самом широком смысле насилие можно рассматривать как целенаправленное воздействие на объект, побуждающее его внести изменения в мышление и поведение, которые в данный момент не отвечают его когнитивным и физиологическим потребностям. Однако апелляция к *священному* призвана обеспечить легитимность насильственным действиям, причём *священное* выступает и предельной реальностью, требующей неукоснительного выполнения своей воли, — и социальным актором,

принимающим ответственность и персонафицированным в объектах материального мира, конкретных участниках и духовных лидерах.

При этом с социально-психологической точки зрения интерпретация содержания *священного* является маркером демаркации религиозных объединений и религиозных террористических организаций. Универсальными характеристиками *священного* представляются: а) наделение властью внеземного происхождения (легитимация); б) внушение почитания и поклонение, выражающиеся в категорическом исполнении предписаний; в) сочетание любви и страха, обусловленное осознанием ничтожности, возможности возвышения и вызывающее иррациональное ощущение *священного*.

Религиозные объединения выступают легитимными представителями *священного*, хранителями и продолжателями определенной религиозной традиции. *Священное* выражает свою волю через специальных посредников, соответствующих определённым требованиям группы (авторитетность, образование), или же посредством коллективного решения (иджма). При этом иные религиозные сообщества этой же религиозной традиции позиционируются либо её «прежними» версиями, либо близкими в духовном общении, но расходящимися в культовой практике. Такие религиозные объединения признают наличие друг у друга единого *священного*, позволяют богословские обсуждения и совместную реализацию социально-политических и духовных проектов. Наказание и поощрение от *священного* переносится на внефизическое время и пространство (после смерти) и допускает отсрочку.

Применение насилия исламскими объединениями строго регламентируется (выполнение воинского долга), а несоответствующие религиозному праву действия запрещаются. Так, руководитель Московской Мемориальной мечети Ш.Р. Аляудинов называет причиной исламистского терроризма ошибки отдельных причисляющих себя к мусульманам людей или групп, обладающих слабостью «веры или недостаточными религиозными знаниями» [Аляудинов, 2003: 157]. Председатель Совета

муфтиев России Р. Гайнутдин осуждает деятельность радикалов, выступающих от имени мусульман и оправдывающих «свои преступления и агрессию ссылками на священный Коран» [Гайнутдин, 2005: 44]. В рамках проведения Форума улемов Центральной Азии «Согласие и созидание традиционные основы Ислама в Центральной Азии» в 2015 г. Верховные муфтии подчеркнули несовместимость насилия с исламом и обвинили организации, которые связывают слово «ислам», означающее «мир», «согласие», «спокойствие», с насилием и террористическими актами.

Напротив, религиозные террористические организации провозглашают *священное* непосредственным участником своей деятельности, исполняющим функциональные обязательства и допускающим насилие. Себя позиционируют: а) исполнителями воли *священного*; б) избранными *священным* для реализации необходимых и неотлагательных социально-политических преобразований на основе единственно истинной трактовки религиозных положений; в) истинными хранителями религиозной традиции, её защитниками перед ложными учениями. Наказание и награду за действия от *священного* участники получают непосредственно в настоящем времени. Насилие, сопровождающее агрессивный прозелитизм, признаётся допустимым и одобренным самим *священным* безальтернативным методом, а богословские дискуссии и обсуждения идеологии — вредными действиями. По данным причинам диалогичное общение в вопросах вероучения с иными религиозными объединениями невозможно. Однако с другими религиозными террористическими организациями возможна совместная деятельность организационного характера, позволяющая оптимизировать расходы и эффективнее использовать ресурсы друг друга.

На наш взгляд, применительно к религиозному терроризму (в частности, говоря о деятельности исламистских организаций) термин «священное насилие» необходимо рассматривать в двух аспектах. *Священное* в каждом случае выступает моральным мотиватором и идеологическим катализатором, проявляясь как в социальной

активности, так и социальной реактивности. С одной стороны, деятельность религиозных террористов направляется на радикальное преобразование социальной реальности в соответствии с утопическими представлениями о справедливом сущностно теократическом государстве, а с другой — на приспособление участника к террористической организации.

Первый аспект «священного насилия» заключается во внутренней направленности на самих себя. Исламисты на идеологическом и мировоззренческом уровнях приобщаются к интерпретации *священного* лидерами организации. Они позиционируют себя реальной жертвой в акте жертвоприношения, который необходим для поддержания всего мира, единения со всем сущим, победы добра над мировым злом. Насилие воплощается в отказе от прежнего образа жизни, близких и семьи, в символической смерти и перерождении. Это свидетельствует о жертвенности ради террористической организации. Государственная позиция пресечения и наказания только подкрепляет их убеждённости в избранности и выполнении воли *священного*.

Второй аспект «священного насилия» проявляется в публичном пространстве. Религиозный терроризм применяет физическое насилие посредством актуализации архаичной войны, целью которой является жертвенность во имя миропорядка, справедливости и священной миссии. Участие в такой войне подразумевает физическую смерть, совершаемую по личной инициативе якобы вне политического контекста. Однако на деле исламистские террористические организации эксплуатируют образ архаичной войны, подменяя личные мотивы политическими интересами. Они допускают и оправдывают использование смертников, которые представляются защитниками ислама и борцами за веру (муджахедами), а их действия, в частности, к деятельности исламистских организаций актами жертвоприношения ради религии, мусульман и Аллаха. Совершенное ими насилие подчёркивает «высоту» их религиозного и духовного подвига среди единомышленников, способствует признанию «легитимности» террористических организаций

мусульманским населением. Например, руководство террористической организации «Исламское движение Узбекистана»¹⁰ апеллирует к исторической памяти народа Узбекистана, проводя аналогию своей деятельности с басмачеством как движением против атеистического советского режима [Щерба, Ахмедова, Казьмина, 2023: 355].

Справедливости ради отметим, что религиозными террористами приоритет отдаётся символической смерти как приверженности декларируемым целям, даже если реальные политические мотивы не скрываются руководством. Однако в случаях сильной вовлечённости и внешней угрозы для группы (наступление правительственных сил) опыт символической смерти выступает тренировкой реального террористического акта, позиционируемого жертвоприношением, переходом в сферу *священного*. Настоящей смертью провозглашается отказ от данного пути и жизнь под несправедливым и/или светским правительством.

Обозначенные выше аспекты «священного насилия» взаимосвязаны в исламистских террористических организациях. Ими дискредитируются существующие правительства и официальное духовенство как действующие «против» интересов исламского общества и Аллаха. Например, террористическая организация «Партия исламского возрождения Таджикистана»¹¹ призывает мусульман Республики к противостоянию государственным действиям, отождествляя последние со стремлением искоренить ислам и навязать светский образ жизни. Правительство и президент именуется тагутами, ведущими к идолопоклонничеству и неверию мусульман, и шайтанами («Эмомшайтан»), подчинение которым недопустимо. Они обвиняются в нарушении религиозных прав и продвижении либеральных ценностей, противоречащих исламу. Таковыми считаются: запрет ношения хиджаба, насильственное его снятие и открытие мест для отдыха лиц

нетрадиционной сексуальной ориентации¹², поддержка последователей суеверий и иных религий и т.д. Религиозные лидеры, способные в открытом богословском диспуте успешно противостоять исламистским идеологам, объявляются «заблудшими суфиями» и «богохульниками».

Призыв «защищайте ислам» в идеологически насыщенных обращениях исламистских террористических организаций содержит манипуляцию, отсылающую к сохранению поколенческой преемственности и этнической идентичности — «исламский социализм». От участников требуются отказ от подчинения действиям правоохранительных органов и смена прежнего образа жизни на участие в террористической деятельности, необоснованно отождествляемой с вооружённым джихадом. Значимую пропагандистскую роль играют неофициальные религиозные центры и религиозные группы, разделяющие антиправительственные идеи. Такими действиями формируется широкая социальная база для восприятия идей исламской революции во имя установления справедливости, исполнения воли Аллаха, которую можно быстро мобилизовать для реализации политически окрашенных насильственных действий и смену конституционного строя.

Современный исламизм не является цельным движением и характеризуется значительным числом идеологических и политических разломов, конкуренцией за ресурсы в Центральной Азии. Общим мотивом выступает проведение вооружённого джихада против неверных и отступников [Рязанов, 2019: 57]. Перечень достаточно широк: от разделяющих иные позиции мусульман, представителей иных религий до законопослушных граждан страны. «Священное насилие» выступает во всех этих случаях важным идеологическим фактором, общим знаменателем, который позволяет легко переходить от одной организации к другой, менять политическую ориентацию

¹⁰ Запрещенная в России террористическая организация.

¹¹ Запрещенная в России террористическая организация.

¹² Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и его деятельность запрещена на территории России.

и создавать союзы между различными религиозными террористическими организациями. В этом термине отражается амбивалентность природы религиозного терроризма, что ярко демонстрируется именно на примере исламистских террористических организаций. С одной стороны, участники стремятся разрушить мир, сложившийся социально-политический порядок и изменить образ жизни людей, что ведёт к разобщению по религиозному признаку. С другой, объединить всех людей под религиозно-политической идеологией исламизма, принести им «процветание», «справедливость» и «равенство» в рамках утопии единого исламского государства.

Заключение

В заключении отметим, что противоречивость религиозного терроризма проявляется в отсылке к религиозной традиции, не выдвигающей этнических требований последователям, и одновременно в стимулировании подъёма национального сознания, провоцирующего сепаратистские настроения. Наиболее ярко это выражается на примере религиозно-политической ситуации в Центральной Азии. Транслируемые исламистскими террористическими организациями заявления апеллируют одновременно к возрождению «чистой религии» и необходимости культурного национализма посредством искажения исторических фактов и манипулируя ими. Их цель — разобщить местное население, формируя разновекторные религиозные и этнические идентичности. Создаваемые на этой основе социальные общности затрудняют развитие общегражданской сплочённости в странах региона, делая их уязвимыми для агрессивного внешнеполитического давления. Пропагандируемые нормы, интересы, знания и правила поведения способствуют социальной дезинтеграции, росту межнациональной и межрелигиозной ненависти и вражды. При этом апелляция к «священному насилию» обеспечивает системность религиозно-политической идеологии, выступает идеологической и праксиологической спецификой. Оно позиционируется естественным и необходимым проявлением защиты

своего сообщества, псевдоисторических, культурных и религиозных ценностей. Тем самым *священное* как бы переводится из области трансцендентного в статус социального актора, непосредственно участвующего в террористических актах. Таким образом, апелляция к сакральному в данном случае лишь затеняет тот факт, что действия террористов имеют выраженную социальную прагматику, направленную на достижение собственных узко групповых целей. Вместе с тем, такая апелляция помогает вербовать сторонников и может являться психологически достоверной как для самих вербовщиков, так и для тех, кого они вовлекают в незаконную деятельность.

Проведённое исследование показало неосизмеримость интерпретаций священного и «священного насилия» в рамках традиционных религиозных организаций и организаций террористического толка. Несмотря на погружённость в общий культурный контекст, данные типы организаций не сводимы друг к другу, в том числе в силу принципиальной разницы толкований названных понятий. Вместе с тем, не следует упускать из виду тот факт, что религиозный терроризм в форме исламизма спекулирует трактовками *значимых* для последователей ислама понятий. Возможность развития искажённых представлений об их содержании коренится в том числе в недостаточном просвещении, способствующем росту информированности о традиционных ценностях, представленных в исламе.

Полученные нами результаты дополняют сложившиеся в религиоведении подходы изучению специфики религиозного терроризма, позволяя более корректно сформулировать критерии различения радикальной религиозно-политической идеологии и традиционного вероучения. Также уточнение параметров «практического» и академического подходов к выявлению признаков террористической организации за счёт углублённого понимания специфики интерпретаций «священного насилия» позволяет скорректировать содержание профилактических мероприятий и контртеррористических мер, направленных на пресечение деятельности подобных организаций.

Список литературы:

- Аляутдинов Ш.Р. Призывает ли Священный Коран к терроризму? // Россия и мусульманский мир. — 2003. — № 4. — С. 153–157.
- Волобуев А.В. Религиозный фундаментализм в глобализованном мире. — Москва: Прометей, 2019. — 370 с.
- Гайнутдин Р. Ислам против терроризма // Азия и Африка сегодня. — 2005. — № 6. — С. 2–7.
- Зеленков М.Ю. Информационная аналитика трендов терроризма XXI века. — Москва: Ruscience, 2021. — 325 с.
- Зыгмонт А. Святая негативность: насилие и сакральное в философии Жоржа Батая. — Москва: Новое литературное обозрение, 2018. — 315 с.
- Количественный анализ факторов террористической активности: систематический обзор / И. Сумерников, А. Уфимцев, М. Слав, А. Коротаев // Социологическое обозрение. — 2024. — Т. 23, № 1. — С. 302–356. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-1-302-356>
- Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. — Москва: Водолей, 2010. — 198 с.
- Пластун В.Н. «Исламское государство провинции Хорасан» — угроза Центрально-азиатскому региону // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2021. — Т. 20, № 4. — С. 169–175. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-4-169-175>
- Рогозинский Ж. Джихадизм: назад к жертвоприношениям. — Москва: Новое литературное обозрение, 2021. — 184 с.
- Рязанов Д.С. «Группа исламского джихада» в метаморфозах терроризма // Социально-политические науки. — 2019. — № 6. — С. 55–59. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2019-9-6-55-59>
- Сюкийянен Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. — Москва: Высшая школа экономики, 2021. — 684 с. [10.17323/978-5-7598-2324-7](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2324-7)
- Хайдаров Р.Дж. Религиозно-экстремистские группировки как инструмент достижения геополитических целей Запада в Центральной Азии // Известия института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана. — 2022. — № 2. — С. 128–133.
- Щерба А.А., Ахмедова Н.С., Казьмина Е.Д. «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) как вызов стабильности на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. — 2023. — Т.6, № 3. — С. 352–360.
- Abbas S., Syed S. Sectarian terrorism in Pakistan: Causes, impact and remedies // Journal of Policy Modeling. — 2021. — Vol. 43, No 2. — P. 350–361. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2020.06.004>
- Dianina, S. Yu. Khalil M., Glagolev V. S. Cultural Islam in Northern Europe // Baltic Region. — 2019. — Vol. 11, No 3. — P. 142–160. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-8>
- Ellis L. Religious variations in fundamentalism in Malaysia and the United States: Possible relevance to religiously motivated violence // Personality and Individual Differences, 2017. — Vol. 107. — P. 23–27. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.11.012>
- Fifty years of scholarly research on terrorism: Intellectual progression, structural composition, trends and knowledge gaps of the field / M. Haghani, E. Kuligowski, A. Rajabifard, P. Lentini // International Journal of Disaster Risk Reduction. — 2022. — Vol. 68. — 102714. <https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2021.102714>
- Gaibulloev Kh., Sandler T. What We Have Learned about Terrorism since 9/11 // Journal of Economic Literature. — 2019. — Vol. 57, No 2. — P. 275–328. <https://doi.org/10.1257/jel.20181444>
- Gardaz M. The rise and fall of political Islam in Central Asia // Religion. — 2003. — Vol. 33, No 2. — P. 161–169. [https://doi.org/10.1016/S0048-721X\(03\)00034-4](https://doi.org/10.1016/S0048-721X(03)00034-4)
- Haddad S. A comparative study of Lebanese and Palestinian perceptions of suicide bombings: The role of militant Islam and socio-economic status // International Journal of Comparative Sociology. — 2004. — Vol. 45, No 5. — P. 337–363. <https://doi.org/10.1177/0020715204054155>
- Juergensmeyer M. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence. — Berkeley: University of California Press, 2017. — 420 p.

Lindgren S. Social Constructionism and Criminology: Traditions, Problems and Possibilities // *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*. — 2005. — Vol. 6, No 1. — P. 4–22. <https://doi.org/10.1080/14043850510035119>

Martinez P., Sanchez A., Galindo C. Justification of terrorism according to World Values Survey (2017–2020) // *Research in Globalization*. — 2022. — Vol. 5. — 100085. <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2022.100085>

Meierrieks D., Renner L. Islamist terrorism and the status of women // *European Journal of Political Economy*. — 2023. — Vol. 78. — 102364. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2023.102364>

Near-repeat terrorism: Identifying and analyzing the spatiotemporal attack patterns of major terrorist organizations / K. Hunt, B. Behlendorf, S. Wang, et al. // *Expert Systems with Applications*. — 2024. — Vol. 249, part B. — 123712. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2024.123712>

Norenzayan A. *Big Gods: How Religion Transformed Cooperation and Conflict*. — Princeton: Princeton University Press, 2013. — 264 p.

Sederberg P. C. *Global Terrorism: Problems of Challenge and Response // The New Global Terrorism: Characteristics, Causes, Controls*. — Upper Saddle River: Prentice Hall PTR, 2003. — P. 267–284.

Zhirkov K., Verkuyten M., Weesie J. Perceptions of world politics and support for terrorism among Muslims: Evidence from Muslim countries and Western Europe // *Conflict Management and Peace Science*. — 2014. — Vol. 31, No 5. — P. 481–501. <https://doi.org/10.1177/073889421351>

References:

Abbas, S., Syed, S. (2021) 'Sectarian terrorism in Pakistan: Causes, impact and remedies', *Journal of Policy Modeling*, 43(2), 350–361. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2020.06.004>

Alyautdinov, Sh. R. (2003) 'Prizyvaet li Svyashchennyj Koran k terrorizmu? [Does the Holy Quran call for terrorism?]', *Rossiâ i musul'manskij mir*, 4, pp. 153–157. (In Russian).

Dianina, S. Yu., Khalil, M. A. M. and Glagolev, V. S. (2019) 'Cultural Islam in Northern Europe', *Baltic Region*, 11(3), pp. 142–160. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-8>

Ellis, L. (2017) 'Religious variations in fundamentalism in Malaysia and the United States: Possible relevance to religiously motivated violence', *Personality and Individual Differences*, 107, pp. 23–27. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.11.012>

Gaibullov, K. and Sandler, T. (2019) 'What We Have Learned about Terrorism since 9/11', *Journal of Economic Literature*, 57(2), pp. 275–328. <https://doi.org/10.1257/jel.20181444>

Gajnutdin, R. (2005) 'Islam protiv terrorizma [Islam against terrorism]', *Asia and Africa today*, 6, pp. 2–7. (In Russian).

Gardaz, M. (2003) 'The rise and fall of political Islam in Central Asia', *Religion*, 33(2), pp. 161–169. [https://doi.org/10.1016/S0048-721X\(03\)00034-4](https://doi.org/10.1016/S0048-721X(03)00034-4)

Haddad, S. (2004) 'A Comparative Study of Lebanese and Palestinian Perceptions of Suicide Bombings: The Role of Militant Islam and Socio-Economic Status', *International Journal of Comparative Sociology*, 45(5), pp. 337–363. <https://doi.org/10.1177/0020715204054155>

Haghani, M. et al. (2022) 'Fifty years of scholarly research on terrorism: Intellectual progression, structural composition, trends and knowledge gaps of the field', *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 68, p. 102714. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2021.102714>

Haydarov, R. J. (2022) 'Religious and extremism groupings as a tool for achieving the geopolitical goals of the West in Central Asia', *Ahboroti Akademiâi fanhoi SSR Toçikiston. Serii Falsafa, iktisodiät, hukukšinosj*, 2, pp. 128–133. (In Russian).

Hunt, K. et al. (2024) 'Near-repeat terrorism: Identifying and analyzing the spatiotemporal attack patterns of major terrorist organizations', *Expert Systems with Applications*, 249, p. 123712. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2024.123712>

Juergensmeyer, M. (2017) *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*. Berkeley: University of California Press.

Krasikov, V. I. (2010) *Nasilie v evolyucii, istorii i sovremennom obshchestve* [Violence in evolution, history and modern society]. Moscow: Vodolej Publ. (In Russian).

Lindgren, S. (2005) 'Social Constructionism and Criminology: Traditions, Problems and Possibilities', *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*, 6(1), pp. 4–22. <https://doi.org/10.1080/14043850510035119>

Martinez, P., Sanchez, A., Galindo, C. (2022) 'Justification of terrorism according to World Values Survey (2017–2020)', *Research in Globalization*, 5, 100085. <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2022.100085>

Meierrieks, D. and Renner, L. (2023) 'Islamist terrorism and the status of women', *European Journal of Political Economy*, 78, p. 102364. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2023.102364>

Norenzayan, A. (2013) *Big Gods: How Religion Transformed Cooperation and Conflict*. Princeton: Princeton University Press.

Plastun, V. N. (2021) "'Islamic State of Khorasan Province" — A Threat to the Central Asian Region', *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 20(4), pp. 169–175. (In Russian). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-4-169-175>

Rogozinski, J. (2017) *Dжихадизм: le retour du sacrifice*. Paris: Desclée de Brouwer. (Russ. ed.: (2021) *Dжихадизм: nazad k zhertvoprinosheniyam*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.).

Ryazanov, D. S. (2019) '«Islamic jihad group» in the metamorphoses of terrorism', *Sociopolitical sciences*, (6), pp. 55–59. (In Russian). <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2019-9-6-55-59>

Sederberg, P.C. (2003) 'Global Terrorism: Problems of Challenge and Response', in *The New Global Terrorism: Characteristics, Causes, Controls*. Upper Saddle River: Prentice Hall PTR, pp. 267–284.

Shcherba, A. A., Akhmedova, N. S. and Kazmina, E. D. (2023) "'Islamic Movement of Uzbekistan" as a challenge to stability in the post-Soviet region', *Postsovetskie issledovaniâ*, 6 (3), pp. 352–360. (In Russian).

Sumernikov, E., et al. (2024) 'Quantitative Analysis of Factors of Terrorist Activities: A Systematic Review', *Russian Sociological Review*, 23(1), pp. 302–356. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-1-302-356>

Syukiyanen, L. R. (2021) *Islamskoe pravo i dialog kul'tur v sovremennom mire* [Islamic law and the dialogue of cultures in the modern world]. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2324-7>

Volobuev, A. V. (2019) *Religioznyj fundamentalizm v globalizovannom mire* [Religious fundamentalism in a globalized world]. Moscow: Prometej Publ. (In Russian).

Zelenkov, M. Yu. (2021) *Informacionnaya analitika trendov terrorizma XXI veka* [Information analytics of terrorism trends of the XXI century]. Moscow: Ruscience Publ. (In Russian).

Zhirkov, K., Verkuynen, M. and Weesie, J. (2014) 'Evidence from Muslim countries and Western Europe', *Conflict Management and Peace Science*, 31(5), pp. 481–501. <https://doi.org/10.1177/0738894213510121>.

Zygmunt, A. (2018) *Svyataya negativnost': nasilie i sakral'noe v filosofii Zhorzha Bataya* [Holy negativity: violence and the sacred in the philosophy of Georges Bataille]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian).

Информация об авторах

Гергилев Денис Николаевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Красноярский научный центр СО РАН, 660036, г. Красноярск, Академгородок, 50; заведующий кафедрой истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, пр-т Свободный, д.79 (Россия)

Татьяна Владимировна Излученко — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, пр-т Свободный, д.79; старший научный сотрудник, Красноярский научный центр СО РАН, 660036, г. Красноярск, Академгородок, 50; (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Denis N. Gergilev — Doctor of History, Docent, Leading Researcher, Krasnoyarsk Science Centre of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, 50, Akademgorodok, Krasnoyarsk, 660036; Head of the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University, 79, Svobodny avenue, Krasnoyarsk, 660041 (Russia)

Tatyana V. Izluchenko — PhD in Philosophy, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy, Siberian Federal University, 79, Svobodny avenue, Krasnoyarsk, 660041; Senior Researcher, Krasnoyarsk Science Centre of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, 50, Akademgorodok, Krasnoyarsk, 660036; (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 29.10.2024; принята к публикации 22.11.2024.

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 29.10.2024; accepted for publication 22.11.2024.